

альной экзогамии, которая давно уже исчезла у ирокезов, и привели ее к рассмотренному выше выводу.

Однако нет никаких оснований принимать ирокезский род за эталон рода. Главный признак рода — экзогамия, точнее, агамия, а раннего рода — и наличие тотема. Даже такой признак, как вера в происхождение от общего предка, не является обязательным для рода. Предковый род — явление сравнительно позднее. Первоначально тотем не считался предком. Просто все члены рода были убеждены, что все они — особи тотемного вида, а все животные тотемного вида являются членами рода. Вера в тождество плоти и крови членов рода и животных тотемного вида, а не в происхождение первых от последних — суть первоначального тотемизма.

В качестве еще одного признака, отличающего «генеалогическую группу» обских угров от рода, З. П. Соколова указывает на ее «нечеткость и аморфность» (с. 151). Но в этом нет ничего удивительного. Общество обских угров XVIII—XIX вв. было уже не подлинным первобытным, а предклассовым, т. е. переходным от первобытного общества к классовому. Об этом свидетельствует происходивший в этом обществе процесс формирования территориально-соседской общины (с. 157). З. П. Соколова совершенно права, выступая против тезиса о существовании у хантов и манси феодальных отношений (с. 4, 147). Однако существование у них зачаточных форм эксплуатации несомненно (с. 149, 150). Все это, естественно, не могло не сказаться на роде.

Все сказанное, разумеется ни в малейшей степени не снижает общей высокой оценки рецензируемой книги. Она представляет собой новаторское, оригинальное исследование, вводящее в научный оборот огромный массив нового материала. Монография З. П. Соколовой несомненно представляет существенный вклад в этнографическую науку. Было бы крайне желательным, чтобы З. П. Соколова продолжила свои исследования, детально рассмотрев этнографические и территориальные группы обских угров, соседскую общину, семью, имущественную дифференциацию и зачатки эксплуатации у хантов и манси в XVIII—XIX вв.

Ю. И. Семенов

Ildiko Lehtinen. Naisten Korut. Keski-Venäjällä ja Länsi-Siperiassa. Helsinki, 1979. 209 с.

В Финском Национальном музее (г. Хельсинки) хранятся богатые коллекции по этнографии различных народов. Особенно широко представлены материалы по финно-уграм. В последние годы вышли интересные публикации этих музейных собраний¹. В их подготовке наряду с другими сотрудниками музея принимала участие Ильдико Лехтинен. В 1979 г. была издана ее монография, итог многолетних исследований, — «Женские украшения в Центральной России и Западной Сибири».

Книга состоит из введения и пяти глав. В ней дается общая характеристика украшений, их типов и материалов, из которых они изготовлялись, а также описываются украшения обских угров (хантов и манси), удмуртов, марийцев, чуваш, мордвы и мецеры. При этом автор широко привлекает для сравнения данные по казанским татарам и башкирам.

Основными источниками исследования послужили материалы Финского Национального музея г. Хельсинки (Suomen Kansallismuseo), коллекции одежды и украшений XVIII — начала XX в. и фотоархив. И. Лехтинен привлекла и литературные данные, а также материалы музеев нашей страны — Москвы, Ленинграда, Тарту.

Во введении дана краткая справка о расселении рассматриваемых в книге финно-угорских народов, их истории, об их взаимоотношениях с соседями, общих закономерностях развития женской одежды и украшений (с. 8—9). Здесь же (с. 7—10) автор рассматривает некоторые общие вопросы, касающиеся эволюции украшений. Согласно ее меткому определению, украшения — это своего рода паспорт народа: они дополняют костюм, часто подчеркивают особенности национального характера. Исследовательница неоднократно отмечает взаимосвязь украшений с одеждой и головными уборами, прической.

Характер, качество и число украшений зависели от возраста, звания, экономического и социального положения людей. И. Лехтинен подчеркивает, что вышивка на одежде и украшения, как правило, дополняли друг друга: если вышивки было много, то украшений — мало, и наоборот (в качестве примера она приводит рубашки луговых и горных марийцев).

Отмеченное ею сходство в типах одежды и украшений, их названий у разноязычного населения Центральной России и Западной Сибири она объясняет общими экологическими и историческими условиями, а также этническими связями финно-угорских, тюркоязычных и русского народов (с. 8). Отмечая близость украшений разных финно-угорских народов, автор совершенно правильно объясняет ее общностью их происхождения; когда же она говорит об общем покрое и типе рубахи-платья финно-угров (см. схему 2, с. 48, 202), то причину такого единообразия видит почему-то только в экологии.

¹ См. например, последние издания: *Istvan Racz. Suomalais-Ugrilaista kansantaidetta. Keuruu, 1977; Iso Karhu. Arkistokuvia etäisten kielisukulaistemme asuinsijoilta. Lahti, 1980.*

В первой главе книги («Значения украшений», с. 10—32) И. Лехтинен останавливается на вопросе о роли украшений в быту народов. Она указывает на то, что отдельные украшения выполняли функцию оберегов, амулетов, призванных «охранять» человека от злых духов (с. 10, 26—27, 31). Чаще всего их носили дети и старые женщины. Значительное внимание автор уделяет выявлению возрастных и сословных различий в украшениях и типах праздничных украшений (с. 19). Последние наряду с головными уборами составляли основу праздничного костюма, в котором автор выделяет два варианта: 1) костюм, связанный с годовыми, календарными и религиозными праздниками; 2) костюм, приуроченный к семейным событиям и праздникам (свадьба, похороны).

И. Лехтинен специально останавливается на типах застежек и пряжек, скрепляющих элементы одежды (главным образом рубах-платьев) и вместе с тем играющих роль украшений. Большой интерес представляет составленная автором табл. 1 (с. 30), на которой показаны разные способы застежек женских рубах финно-угров Поволжья и обских угров (пуговицы, шнурки, пряжки, крючки). Автор рассматриваются экономическое и социальное значение украшений, их религиозная символика, наиболее ярко проявляющаяся в цвете одежды, типах вышивки и украшений.

Во второй главе («Материалы для украшений», с. 33—46) И. Лехтинен суммирует данные о материалах, из которых изготавливались украшения у разных финно-угорских народов (бронза, серебро, латунь, олово, монеты, бусы, кораллы, раковины каури, самоцветы, ткань, шерстяные нитки и кисти, кожа), выявляет некоторые различия в материалах, используемых для украшений (коралл у чувашей и удмуртов; стекло у удмуртов и мари; металл у мордвы, мари и удмуртов; бисер у обских угров; драгоценные камни у башкир и казанских татар).

В третьей главе («Типы украшений», с. 47—77) в связи с описанием причесок подробно охарактеризованы головные уборы, а также височные и накосные украшения, серьги, бусы, подвески, нагрудные застежки, браслеты, кольца, пояса, гребни. Автор останавливается на различиях в способах их ношения у отдельных финно-угорских народов.

Четвертая, наиболее обширная глава («Употребление украшений», с. 80—187), посвящена характеристике женских украшений у отдельных народов. В ней рассматриваются основные украшения каждого народа, дается краткая история их развития, показывается способ их ношения.

Тщательно описаны различные украшения хантов и манси, показано их своеобразие и сходство с украшениями поволжских финно-угров (с. 80—101). Это главным образом накосные, нашейные и нагрудные украшения, головные повязки (налобники), серьги. И. Лехтинен правильно отмечает большую дифференциацию в одежде обских угров в связи с их широким расселением, многообразием экологических условий и хозяйственных занятий². Но автор даже не делает попытки проследить различия в украшениях у разных этнографических групп хантов и манси, хотя этот принцип анализа является основным при исследовании ею украшений других финно-угорских народов. В целом в книге украшения хантов и манси мало связаны с украшениями поволжских финно-угров. Их сходство объясняется контактами, взаимовлияниями, простым заимствованием. Однако даже при беглом сравнении некоторых типов нагрудных и накосных украшений бросается в глаза их большое сходство, которое можно объяснить только общим происхождением всех этих народов (сравни, например, рис. 16, 41, 44, 62, 68—72; 81, 85, 89, 129, 137, 143, 149; см. также табл. 2 на с. 48—49). В этом плане любопытно было бы сравнить, например, асимметричное украшение отворота воротника на кафтане васюганских женщин³ с череспечным украшением удмуртских женщин (рис. 81).

На с. 102—114 характеризуются головные уборы, декорированные монетами и блясками, а также повязки из бересты и ткани, платки, ленты северных и южных удмуртов во всем их разнообразии — девичьи и женские (*такья* и *айшон*), будничные и праздничные, ритуальные и свадебные. В книге описываются серьги, бусы, нагрудные и череспечные украшения удмуртов, сходные с татарскими. В целом параллели к головным уборам и украшениям народов Поволжья, найденные автором у других народов, интересны и правомерны. Это касается, например, типа чувашского высокого головного убора *хушпу* и башкирского *келепуш* (рис. 32, с. 58), а также чувашских и удмуртских череспечных ремней и способов ношения амулетных мешочков у мусульманских народов Поволжья и Средней Азии (рис. 44, 45, 76). Но, пожалуй, слишком часто и не всегда убедительно подчеркивается влияние тюркских народов вообще и татар в частности на развитие головных уборов и украшений финно-угров Поволжья и обских угров. Например, И. Лехтинен сама пишет о том, что девичья шапочка, украшенная монетами (*такья*, *тукия*, *такья*), у народов Поволжья (мари, мордвы, чувашей и удмуртов) известна издавна, вероятно, с эпохи железа. Но в то же время она считает возможным связывать ее происхождение с тюркскими народами Центральной Азии (с. 202). Другой пример: налобная повязка была известна широкому кругу народов (чувашам, мари, мордве, мещере, славянским народам⁴). Однако автор считает, что у обских угров она появилась под влиянием татар. Вероятно, это допустимо лишь, по

² Хотя к иртышским хантам и кондинским манси вряд ли применим термин «фермеры» (с. 204).

³ Suomen Kansallismuseo, Фотоархив. Коллекция 36—19 (У. Т. Сирелиус).

⁴ Народы Европейской части СССР (серия Народы мира. Этнографические очерки). М.: Наука, 1964, с. 498.

отношению к некоторым южным хантам, у которых известно татарское название налобника; у других групп этот вид головного украшения мог быть и финно-угорского происхождения.

Среди марийских головных уборов и украшений (с. 115—136) выделены различные типы, характерные для трех этнографических групп марийцев (луговых, горных и восточных). Это — сорока, *шарпан-нашмакан* и *шимакишан* — головные уборы, расшитые нитками, бисером, бляхами, кисточками, а также нагрудники, наспинные украшения, пояса, серьги, ожерелья, бусы, как будничные, так и праздничные (свадебные). Интересно описание украшений, сплетенных из тесьмы и шнурков, которым придавалось магическое значение (с. 135).

В этой же главе (с. 136—150) проанализированы чувашские украшения: головные, (накосные), шейные, нагрудные, чересплетные, поясные и наспинные, а также головные уборы (*тукия*, *хушпу*). Автор отмечает их различия у верховых и низовых чувашей и сходство некоторых из них с башкирскими, русскими, мордовскими, марийскими. Особое внимание уделяет И. Лехтинен украшениям чувашей из серебра и монет, генетически тесно связанным с волжско-булгарскими; она рассматривает их символику. Оригинальными и очень архаичными, возможно, древнего финноугорского происхождения, автор считает чувашские застежки и поясные украшения (трех- и четырехугольные куски ткани с бахромой, спускающиеся вниз от пояса).

Наиболее широко представлены мордовские украшения (с. 151—178). И. Лехтинен отмечает их различия у мордвы-эрзи, мордвы-мокши, терюхан и каратеев. В главе подробно описываются головные уборы, накосные, налобные, шейные, височные, нагрудные и поясные украшения, серьги. Читатель знакомится также с различными локальными вариантами старинных головных уборов — *панго*, сорока, *златной*. Как пишет автор, уже с XII в. эрзя и мокша носили язычковые застежки-пряжки различной формы — подковообразные и трапцевидные с подвесками. Очень интересна карта 4 (с. 67), показывающая распространение таких застежек у разных народов Поволжья (мордвы, мари, чувашей) и их терминологию. И. Лехтинен рассматривает функциональную роль поясных украшений (куски ткани с бахромой и полотенца). Как и В. Н. Белицер⁵, она сопоставляет их с подобными украшениями других народов (великорусов, болгар, сербов, румын), а также с юбками земледельческих и штанами кочевых и некоторых других народов, в частности мордвы-мокши. Автор считает, что поясные украшения «обеспечивают декоративную охрану нижней части тела» и являются символом замужества (с. 208).

У мещеры И. Лехтинен выделяет декор на головных уборах, височные, накосные, шейные, поясные украшения (с. 179—188). Сам по себе раздел хотя и невелик, но уникален: ведь по одежде и украшениям мещеры почти нет публикаций. Большой интерес представляют описания несшитой юбки (*ропка*) замужних женщин, девичьего праздничного и свадебного головного убора в виде короны с золотой лентой, характерного для девушек всей Восточной Европы, а также рогатого головного убора замужних женщин (*кичка*). В костюме и украшениях мещеры автор усматривает как финноугорские, так и южнорусские черты.

В целом данный раздел книги И. Лехтинен характеризуют ценные, найденные ею параллели в украшениях разных народов: чувашей с удмуртами и марийцами (с. 145, 146), мордвы с удмуртами и марийцами (с. 161), а также с чувашами и удмуртами (с. 170), чувашей с русскими (с. 141, 145), в целом поволжских финно-угров с татарами и башкирами (с. 113, 119, 124, 137, 141).

Последняя, пятая глава, посвящена изменениям в украшениях и способах их ношения в XX в., их постепенному вытеснению, как и традиционной одежды, в связи с индустриализацией и урбанизацией и заменой городской одеждой.

Книга И. Лехтинен богато иллюстрирована, в ней 158 фотографий и рисунков, 6 карт, 2 схемы-таблицы. Они существенно дополняют текст. Две карты показывают современное расселение финно-угорских народов Поволжья и обских угров (№ 1, с. 1) и характерное для конца XIX — начала XX в. расселение финно-угров Поволжья и их этнографических групп (№ 6, с. 102). Весьма интересны карты, показывающие распространение разных типов головных уборов (№ 3, с. 56), украшений из бус и монет (№ 2, с. 34), застежек (№ 4, с. 67), а также карта районов, где были собраны коллекции Финского Национального музея (№ 5, с. 78). Оригинальна табл. 2 (с. 48—51), в которой прослеживаются сходные типы головных уборов и украшений финно-угорских народов Поволжья и их терминология. К сожалению, как мы уже отмечали, в ней не нашлось места украшениям хантов и манси. Книга И. Лехтинен представляет собой сводку материалов об украшениях финно-угров Поволжья и Западной Сибири. Вероятно, следовало бы дать в ней больше обобщающих таблиц, показывающих как сходство, так и различия в типах украшений у рассматриваемых народов, что помогло бы выявить их генетические связи, прояснить вопросы происхождения отдельных типов украшений. Это замечание мы высказываем автору в качестве пожелания для будущего исследования. Книга И. Лехтинен приобретает большую ценность также благодаря систематизированной автором терминологии украшений финно-угров.

В целом книга И. Лехтинен выполнена весьма скрупулезно и квалифицированно. Это интересное обобщающее и полезное исследование.

М. Н. Морозова, З. П. Соколова

⁵ Белицер В. Н. Народная одежда мордвы. — Труды Ин-та этнографии АН СССР, М.: Наука, т. 101, с. 107.